

С. ВАРШАВСКИЙ И Б. РЕСТ

НАД БЕРЛИНОМ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 7
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1942

С. ВАРШАВСКИЙ и Б. РЕСТ

НАД БЕРЛИНОМ

Издательство „Правда“

Москва — 1942

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство «Правда»	Изд. № 93	
А 50875.	Заказ типогр. 118.	Тираж 150 000 экз.
Формат бумаги 105×148 мм. Печ. л. 1¼. Вн. в 1 п. л. 43 200		
Цена 20 коп.	Подписано к печати 9/IV 1942 г.	
Тип. газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.		

КАРТЫ НА ЗАПАД

О Берлине не было сказано ни слова. Просто в штабе приказали флагштурману полка капитану Хохлову приготовить карты на Запад. Приказание было отдано обычным, спокойным тоном, лишенным даже намека на необычность и значительность задания. Но сердце подсказало сразу: пойдём на Берлин. Разве не об этом мечтал каждый балтийский летчик, втайне лелея надежду, что именно ему выпадет высокая честь бомбовыми ударами по фашистской столице отомстить за разрушения мирных советских городов, за варварские налеты на Москву! О Берлине не было сказано ни слова, но когда капитан Хохлов в назначенный час принес в штаб подобранные и подклеенные им карты на Запад, на них красным карандашом — рукой капитана Хохлова — был проложен маршрут на Берлин.

В кабинете начальника морской авиации собрались

командир и комиссар соединения балтийских бомбардировщиков, флагштурман морей и командир полка — испытанный друг Хохлова полковник Преображенский. Хохлов разложил на столе карты. Начальник морской авиации, увидев красную черту, соединяющую две отдаленные точки, с удивлением взглянул на Хохлова:

— Откуда вы знаете?

И, повернувшись к полковнику Преображенскому, добавил:

— А вы говорите, что никто у вас не знает... Вот вам и секрет!..

На самом деле, кроме Преображенского, никто в полку не знал об ответственной задаче, поставленной перед балтийскими летчиками. Командир полка ни словом не обмолвился и Хохлову, своему флагштурману и штурману своего экипажа. Но сейчас Преображенский смотрел на Хохлова смеющимися глазами: молодец — штурман: все сделал, как надо!

Начальник морской авиации еще раз просмотрел список экипажей, которые должны были участвовать в операции. Этот список составил полковник Преображенский, и экипаж, названный первым, был экипажем полковника Преображенского.

— Вам, товарищ полковник, предстоит подготовить еще не один удар по Берлину... Может быть, было бы целесообразнее сейчас повести не вам, а вашему помощнику?

Преображенский, бывалый боевой летчик, сохранявший хладнокровие в любых отчаянных переделках, побледнел. Как может он, командир полка, не идти вместе со своими войнами на выполнение такого задания?! Кому, как не ему, вести их на Берлин?!

— Хорошо,— сказал начальник морской авиации,— поведет полковник Преображенский.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

Люди, которые были отобраны для участия в налете на Берлин, жили в лесу, недалеко от аэродрома. В лесной чаще стояла и небольшая палатка — в ней с трудом умещались железная койка и письменный стол. Здесь расположился Хохлов. Вечером в освещенную фонарем палатку залетали звенящие рои комаров; утром, когда вставало солнце, щебетали пташки. Вечер и утро просидели флагштурман морей и флагштурман полка на железной койке, склонившись над письменным столом. Перед ними лежали карты районов, по которым мог пролегать путь боевых машин, листки, испещренные сведениями об укреплениях северной береговой черты Германии, о городах и гаванях, о расположении аэродромов, зенитных точек, аэростатов заграждения, папки с важными данными, добытыми нашей разведкой. В этой лесной палатке, отгороженной от мира колеблющимися брезентовыми стенами, разрабатывались возможные варианты грозного маршрута со-

ветских воздушных кораблей. Весь полет должен был проходить над чужой, враждебной территорией, над морем, на больших высотах, в ночное время. Надо было изыскать не только наиболее безопасные маршруты, но и обеспечить экипажам возможность опознавания характерных ориентиров на береговой черте для того, чтобы выйти на цель точно и безошибочно. Работа была сложной и кропотливой. Завершить ее нужно было в считанные часы. Полковник Преображенский то и дело заглядывал в палатку, и капитану Хохлову было понятно его нетерпение.

Хохлов заканчивал прокладку последнего маршрута. Остро очиненным грифелем карандаша он прямой красной линией уверенно дотянул последние сантиметры до Берлина. На этом подготовительная часть работы флагштурмана полка подошла к концу.

Летчиков и штурманов вызвали в просторную и светлую комнату школы. Они пришли, все еще ничего не зная о предстоящем задании. Здоровые, веселые, жизнерадостные люди, они оживленно беседовали, примостившись кто на подоконнике, кто за партами. Какие только темы не возникали в этих непринужденных толках друзей, чтобы, так и не исчерпавшись, уступить место другим, таким же злободневным, таким же неисчерпаемым!.. Но за всеми этими беспорядочными разговорами, за калейдоскопической сменой деловых, бытовых и чаще всего шуточных тем чувствовалось какое-то приподнятое ожидание чего-то пока еще

неизвестного, но важного и значительного. Неспроста же собрали их, наиболее опытных летчиков и штурманов полка, здесь, в этом лесу, неспроста же придут к ним сюда представители командования! Балтийцы говорили о чем угодно, и только об одном не решались сегодня сказать друг другу боевые друзья, лишь одну заветную мысль, не раз уже обсужденную в тесном кругу, скрывали они сейчас друг от друга: может быть, пошлют на Берлин?

Да, на Берлин! Мгновенье торжественного молчания, наступившее сразу же после того, как начальник морской авиации сообщил о задании балтийцам, взорвалось ликующими возгласами, и сквозь распахнутые окна балтийское «ура» разнеслось далеко по лесу.

Подняв руку и сразу же установив тишину, военком соединения оглядел серьезные, воодушевленные лица своих любимцев.

— Вот,— сказал военком,— мечта наша и осуществляется! Первые бомбы на Берлин сбросят балтийцы. Вы знаете, товарищи, что фашисты раструбили на весь мир о том, будто наша советская авиация давно уже уничтожена. Что ж, пускай весь мир узнает, на что способна якобы не существующая авиация непобедимой Страны советов. Пусть взрывы и пожары в Берлине и других немецких городах будут предвестником неминуемой гибели фашизма и свидетельствуют о нашей несокрушимой силе. Балтийцы пройдут над Берлином как посланцы великого, негнбаемого народа,

чтобы сокрушительными ударами по фашистскому логовищу ответить на бомбы, сброшенные на родную Москву. Готовьтесь, товарищи, к полетам на Берлин. Я убежден, что ответственное задание вы выполните с честью.

Хорошо говорил военком! Каждое слово доходило до сердца, потому что, не произнеси его первым комиссар, оно могло бы быть произнесено любым из этих людей. В этом и была сила комиссара-большевика: он жил вместе со своими воинами одними мыслями, одними чувствами, одними чаяниями. И поэтому непререкаем был его авторитет, поэтому любили и уважали его балтийские летчики, поэтому умел он вдохновлять и поднимать свои полки и эскадрильи на самые героические дела.

А дело, которое предстояло осуществить теперь, требовало не только беспредельной отваги и умения работать в труднейших условиях, но и четкой и продуманной организации как в крупном, так и в мелочах. Командир соединения и командир полка — прославленные далеко за пределами Балтики летчики, — не теряя попусту ни одной секунды драгоценного времени, ясно очертили участникам будущих операций весь объем многообразных работ, которые надо было выполнить в кратчайший срок. Ничто не было упущено: материальная часть, моторы, кислородное оборудование, хитроумнейшие приборы летного и штурманского хо-

зьяства — все это требовало тщательной проверки, все это решало успех ответственного полета.

На черной классной доске, на которой еще проступали наведенные робкой, ученической рукой контуры какой-то геометрической фигуры, повесили карты Берлина и района Берлина с обозначением на них военных объектов. Флагштурман морей объявил принятые маршруты, и каждому экипажу была дана подклеенная карта того маршрута, по которому ему надлежало идти на Берлин. На карте условными значками были отмечены все наиболее характерные ориентиры, и надо было еще здесь, в классе, досконально изучить, как они выглядят ночью, с большой высоты, и через какие промежутки они могут встретиться. Когда надвинулись вечерние сумерки, каждый летчик и каждый штурман уже отчетливо представлял себе, где и что может его поджидать и как ему лучше выполнить поставленную задачу.

Самолеты перебазировались на новый аэродром. Вскоре это широкое летное поле навсегда вошло в историю балтийской авиации. Отсюда наши дальние бомбардировщики шли на Берлин.

СТАРТ НА БЕРЛИН

Забыть ли когда-нибудь этот вечер? Незнакомый аэродром, с которого предстоит взлетать впервые, кажется близким и родным, стоит лишь представить себе далекий маршрут, пролегающий от него до цели и от цели до него. Тихий вечер, покой которого то и дело нарушается гулом опробываемых моторов, наполнен трепетом напряженного ожидания, которое, как электрическая искра, передается от одного летчика к другому, на каком бы конце аэродрома ни заканчивал он со своим экипажем последнюю подготовку машины к полету. Все обычно, все напоминает повседневную предбоевую работу, и вместе с тем все, что делается, преисполнено какого-то особого смысла, какого-то особого содержания.

Преображенский и Хохлов стоят у своей машины. Они испытующе глядят на небо, затянутое сплошной облачностью. Плохая погода! Но командира и штурмана меньше всего интересует метеорологическая обстановка

в районе аэродрома. Какая погода там, на трассе? Правда, знаменитый среди балтийских летчиков метеоролог Каспин утверждает, что над морем условия полета будут несколько лучше, а прогнозы Каспина всегда обоснованы. И все же, что скажет капитан Усачев, посланный командованием на дальнюю разведку погоды для проверки и уточнения данного Каспиным прогноза?

Капитан Усачев летал с другого аэродрома. Полковник Преображенский взглянул на часы: по его расчетам, Усачев должен был уже возвратиться. И действительно, из-за поворота лесной дороги в клубах пыли показалась легковая машина и промчалась к командному пункту.

— Пошли, штурман: Усачев приехал.

Усачев подробно доложил метеорологическую обстановку. Погода неважная, но лететь можно. Начальник морской авиации назначает час вылета: 21.00.

— Есть! — отвечают командир и штурман.

Синяя малолитражка полковника стоит у командного пункта. Преображенский и Хохлов быстрым шагом подходят к ней, и вот она уже бежит по обочине аэродрома. Преображенский и Хохлов объезжают экипажи, которые вскоре пойдут на Берлин.

— Товарищ полковник, самолет готов к вылету! — рапортуют командиры экипажей, когда около их боевых машин останавливается маленький автомобиль,

кажущийся детской игрушкой рядом с огромным бомбардировщиком.

Преображенский объявляет час вылета. Хохлов знакомит штурмана с погодой по маршруту, распределением ветра на высоте, где какая облачность может встретиться...

— Ну, давайте смотрите...

— Все будет в порядке!

Последнее рукопожатие перед вылетом — и дальше, к следующему экипажу.

Хорошие летчики подобрались, хорошие штурманы! Все старые товарищи, с которыми не раз доводилось летать — и в годы боевой подготовки и суровой зимой во время войны с белофиннами. А молодое поколение — как показала отечественная война — подставить старикам...

До взлета остается один час. У машины полковника приготовлены тяжелые зимние комбинезоны, шлемы на меховой подкладке, громоздкие теплые перчатки, унты. Стрелки-радисты старший сержант Рудаков и сержант Кротенко уже облачены в эти зимние летные доспехи, и в этот теплый вечер пот крупными каплями катится по их опаленным солнцем лицам. Преображенский и Хохлов, с сочувствием посмотрев на стрелков, тоже начинают облачаться в гагачий пух, меха и вату. Пот катится по их загорелым лицам.

Хохлов, грузно передвигая отяжелевшие ноги, под-

нялся по ступенькам стремянки и с трудом пролез в узкий люк, закрыв его за собой.

— Ну, пошла! Теперь не откроется, пока не вернемся из Берлина...

Положив на заднее сиденье парашют (он наденет его позже), Хохлов отпустился на переднее сиденье, примостил на коленях авиационную сумку, разложил на ней карты, перебрал на столике прокладочный инструмент — ветрочет, счетные и навигационные линейки, транспортир. Таблицы расчетных скоростей тоже на месте.

Преображенский, примерившись в своей кабине, стал опробывать моторы. Заставляя их работать на малых и больших оборотах, он привычным ухом прислушивался к ровному гулу — все в порядке. Щелкнула мембрана наушников, штурман, проверявший переговорную аппаратуру, спросил командира:

— Как вы меня слышите?

— Я слышу вас хорошо.

— Нормально, — сказал Хохлов и, выключив командира, вызвал стрелка-радиста: — Стрелок, как слышите меня?

— Слышу хорошо, товарищ капитан.

Стрелка часов приближается к 21.00. Приподнявшись, Хохлов высовывается в астролук. В его руке ракетный пистолет. Красная ракета устремляется в вечернее небо. Это сигнал экипажам к запуску моторов.

Позади, за спиной Хохлова, неудержимо вращаются

два винта. Самолет, тяжело дрожа, выходит на простор аэродрома. Высунувшемуся из астролюка Хохлову сверху отлично видно все, что творится вокруг. Бомбардировщики, отягощенные бомбовым грузом, вырываются вслед за машиной полковника на старт.

Кому, как не Хохлову, знать, насколько перегружены сегодня боевые машины?! Каждому инженеру, каждому технику, каждому оружейнику хотелось, чтобы побольше тонн обрушилось ночью на столицу варваров и людоедов. И люди снимали с самолетов оборудование, которое могло и не пригодиться в полете, они дрались за каждый килограмм, чтобы заменить его фугасным. Сколько изощренной выдумки, сколько изобретательности проявил при этом полковник! И все же самолеты выходят на старт со значительной перегрузкой против допущенного конструкторами и гарантированного заводом веса.

— Ничего,— сказал Преображенский,— дойдем!

Стартер выкидывает белый флажок, указывая направление взлета,—и вот самолеты уже отрываются от земли.

Хохлов, закрыв астролюк и опустившись на сиденье, делает в навигационном журнале первую запись:

«Взлет — 21.00».

КОРАБЛИ ИДУТ НАД МОРЕМ

Узкая полоска чернеющей внизу земли острым клином врезалась в серую воду. Это исходный пункт маршрута. Теперь самолеты уже идут над морем. Полноба закрыто облаками, облачная пелена нависает над водной ширью, не более шестисот метров отделяют нижнюю кромку облаков от морской поверхности. Далеко слева проступают берега Советской Прибалтики, захваченной немецкими фашистами; водители кораблей, идущих на Берлин, знают, что сейчас на этих берегах установлены орудия, подстерегающие тех, кто попытается с воздуха ударить по фашистским тылам. Справа, над горизонтом, широкой пламенеющей чертой горит вечерняя заря, и на ее фоне, очевидно, отчетливо видны силуэты наших самолетов. Заметят ли с берега? Но постепенно все уже и уже становится закатная полоса, все дальше и дальше отступает берег. Нет, не заметили. Берег отходит влево, теряется в ночном мраке. Под плоскостями — куда ни глянешь — всюду черная-черная вода.

Преображенский, а за ним и остальные летчики набирают высоту. Самолеты пробивают облачность. Луна полным диском озаряет огромное небо, неожиданно приобревшее дальность и высоту. меховые одежды уже не кажутся такими тяжелыми. Сперва приятная прохлада обдаёт лицо, затем высотный холод начинает пощипывать щеки. Через час высотомер показывает четыре тысячи пятьсот метров. Экипажи надевают кислородные маски. Таков приказ полковника Преображенского. Можно, конечно, с кислородом и повременить, но надо беречь силы, зачем преждевременно изматывать их.

В разрыве облаков, давно уже плывущих глубоко внизу, справа показались очертания островов, то исчезающие во мгле, то вновь освещаемые блеклым лунным лучом. Хохлов берет пеленг на эти характерные ориентиры и уточняет свое местонахождение в море.

Полет продолжается. Стрелка высотомера ползет к шести тысячам метров. Температура — минус тридцать. Облачность редет, доходит до двух — трех баллов. С большой высоты уже плохо видна вода, и ощущение полета над морем возникает только при взгляде на лунную дорожку, трепещущую в бескрайней бездне.

Еще один остров — назовем его островом «Н». Это последний опорный пункт по дальности в море. Здесь Преображенский поворачивает влево — и все самолеты следуют за ним. Машина подымается еще выше. Перед летчиками возникает трудная задача — подобрать

наивыгоднейшую скорость, чтобы и набор высоты шел нормально и моторы не перегружались. Через пятнадцать минут должны показаться берега фашистской Германии. Так рассчитал Хохлов, так сообщил он в микрофон Преображенскому, и теперь флагштурман переживает тревожные минуты: правильно ли идут самолеты на исходный пункт для выхода на цель?

Попрежнему на коленях Хохлова лежит путевая карта с прочерченной на ней красным карандашом линией маршрута. Вторая, черная линия — линия фактического пути — еще не доведена до конца. Ее — от одной точки до другой — мелкими стежками прокладывает штурман. Эта черная линия то сливается с красной, то отклоняется от нее вправо или влево. Отклонения незначительны, всего на пятнадцать — двадцать километров, и для такого сложного полета ночью, над морем, на большой высоте лучшего и желать нельзя. Но все равно Хохлов убежден, что город Н, который и должен служить исходным пунктом для выхода на цель, окажется где-нибудь в стороне и что его придется искать, по крайней мере, в радиусе пятидесяти километров.

Хохлов напряженно всматривается вдаль. Что там за огонек мерцает впереди? Еще один... второй... третий... Неужели он вывел самолеты так точно? Выходит, что так... Берег! Все в порядке! Н-ская гавань!

— Слева Н! — радостно кричит он командиру.

И Преображенский весело отвечает ему:

— Есть Н!

Хохлов высовывает голову в астролук: все самолеты следуют за ведущим. Но что это? Поисковые лучи мощных прожекторов зашарили по небу: должно быть, далекий гул наших уже приглушенных моторов вызвал беспокойство н-ских зенитчиков. Но большая высота и лунная ночь, поглощавшая свет прожекторов, помешали обнаружить советские бомбардировщики. Зенитного огня не последовало, и Преображенский с Хохловым поняли, что они пока не опознаны. Оно и ладно!

На окраине города Н., на военном аэродроме, производились ночные полеты. Подымались в воздух и приземлялись вражеские самолеты. То и дело загорался световой старт, мигали посадочные огни.

Кнопки бомбосбрасывателя под рукой. Нажать бы пальцем, дать бы им там жизни, «отремонтировать» бы и аэродром и машины!

Велик соблазн ударить по отличной цели, но погоди, Хохлов, впереди Берлин!

А на аэродроме уже заметили присутствие в воздухе каких-то машин, но никому и в голову не взбрело, что сюда, минуя все огневые преграды и кордоны, могли придти советские бомбардировщики. Несомненно, это заблудилась зеленая молодежь с «Юнкерсов». Тотчас же зажглись посадочные огни. Яркий белый луч пересек летное поле. Через несколько минут прожектор погас: самолеты почему-то прошли мимо.

«БОЕВОЙ! ТАК ДЕРЖАТЬ!»

Город Н. остался слева.

До Берлина считанные минуты.

И вдруг, когда самолеты уже прошли город П, погода резко ухудшается. Мокрый туман окутывает машины, сырость оседает на козырьке, проникает во все щели, холодные капли бьют в лицо и стекают за шиворот. Видимость совершенно пропадает. До чего опытный летчик Преображенский, в каких только трудных условиях ни приходилось ему летать, но и он мрачнеет. В этой сплошной мути легче легкого потерять ориентировку. А на такой высоте перегруженный доотказу самолет отвлекает все внимание на себя и требует необычайной осторожности. Идешь ведь на пределе, «на потолке». Снижаться нельзя. А стоит лишь нагнуться, чтобы проверить бензин или подкрутить кислород, как незаметно, неощутимо теряешь 100 — 200 метров. В таких случаях, по существу, продол-

жать полет пельзя; надо сбрасывать бомбы на запасные цели, надо возвращаться.

— Возвращаться? Нет, воспитание не позволяет.

Преображенский знает: летчики идут с ним плотные: раз уж зацепятся за ведущего, ни за что не оторвутся. И сквозь туман, сквозь непроницаемую мокрую муть, полковник продолжает вести воздушную армаду к цели, к Берлину.

Внизу, под самолетом, на облачной завесе, то здесь, то там мелькают белые пятна. Они то разбегаются в разные стороны, то стекаются к одному месту, почти сливаясь друг с другом, чтобы вслед за тем снова разойтись по небу. Они похожи на чайные блюдечки, быстро перемещаемые чьей-то невидимой рукой на безбрежной бархатной скатерти серых облаков. Это отблески вражеских прожекторов сопровождают самолеты от самого города Н. Прожектористы тщетно пытаются пробить густой туман, из-за которого доносится до земли едва различимый рокот моторов. Ловят, ловят — и бросят. Да и к чему, собственно, продолжать эту бесплодную световую погоню? Идут-то, вероятно, свои: кто же еще забредет в эту проклятую ночь в глубь фашистского фатерлянда?

— Скоро ли цель? — коротко спрашивает Преображенский Хохлова.

И когда Хохлов отвечает, что еще двенадцать минут продлится этот непомерно трудный путь, туман рассеивается так же внезапно, как и появился.

Ясное небо. Ни облачка. При высокой и полной луне слабо светят бледные звезды. Только Марс, звезда, названная именем бога войны, ярко горит своим красноватым светом в эту военную ночь.

Берлин!

Советские бомбардировщики действительно прошли незамеченными свой долгий путь над вражеским морем и вражеской землей. Хохлов понял это по тому, что фашистская столица не только не открывала зенитный огонь, о котором еще дома предупреждали летчиков, но и была освещена электрическим светом. Видимо, меньше всего ожидали здесь в эту ночь воздушного налета. Вот уже сколько недель не появлялась над городом английская авиация. Можно было отменить светомаскировку. Берлин был освещен, и это так поразило Хохлова, что он даже проверил свои расчеты: точно ли это Берлин? Да, сомнений быть не может — Берлин!

Штурман подносит ко рту микрофон и говорит командиру:

— До цели две минуты! Видите свет?

— Вижу,— взволнованно отвечает Преображенский.

Полковник сигнальными огнями подает идущим за ним экипажам команду «Разойдись!» Пора уже расфокусироваться, чтобы ударить по цели с разных сторон. Это затруднит противнику обнаружение самолетов. Хохлов открывает бомболоки, снимает сбрасыватель с

предохранителя, ставит на полторы секунды временный интервал серии бомб.

Корабль ложится на боевой курс.

Для того чтобы штурман точно сбросил бомбы на цель, летчику необходимо строго выдерживать все элементы полета: скорость, высоту, прямолинейность направления. Как взял, так и держи. Если раньше Преображенский следил только за курсом, а по кренам, по скорости позволял себе некоторые вольности, то на боевом курсе самолет, управляемый твердой и уверенной рукой, не знал никаких, пусть самых ничтожных отклонений.

Берлин лежит под огромными плоскостями советского бомбардировщика. Хохлов видит корпуса военных заводов. Здесь рождается чудовищная техника, которая призвана нести смерть в советские города и веси. Хохлов видит каменные ящики казарм. Здесь прусская выгучка, помноженная на фашистское мракобесие, превращает немецких солдат в стреляющих, режущих и насилующих манекенов, в автоматы, лишённые живого человеческого облика. Хохлов видит гигантское здание электростанции. Отсюда по разветвленным проводам несется к заводам, фабрикам, вокзалам приводящий в движение станки и машины, освещающий цеха и пути все сильный электрический ток. Хохлов включает навигационные огни, наводя ими летчика на избранную цель.

Перед Преображенским вспыхивают попеременно то

красная, то зеленая лампочки. Это значит, что надо взять влево, надо взять вправо. Потом загорается белый свет, и в то же мгновение в наушниках раздается отрывистая команда штурмана:

— Боевой! Так держать!

По штурманским классам авиационных школ кочует старая шутка: при бомбометании, мол, вся большая навигационная наука загнана в маленький пузырек прицела. Эта шутка — то ли кстати, то ли некстати — вспомнилась сейчас Хохлову, пристально, до боли в глазах всматривающемуся в прицел. И как только цель попадает в освещенный пузырек (вот она, вся великая навигационная наука!), он нажимает кнопку сбрасывателя. Самолет вздрагивает, чуть приподнимается, освобождаясь от бомбового груза. Всем телом, всем своим существом, слитым в единое целое с боевой машиной, ощущают сейчас два человека — летчик и штурман, — что бомбы сброшены. Теперь только каких-нибудь соржк секунд, остающихся до взрыва, решают успех много-часового, непомерного по трудностям полета.

Произведя бомбометание днем, штурман может открыть шторку нижнего люка и следить за отрывом и падением бомб. Но ночью надо запастись терпением на сорок долгих секунд и ждать, ждать, ждать...

Над ночным Берлином, высунувшись в астролук, Хохлов ждет, ждет, ждет...

Пламя, как из жерла вулкана, багровой хаотической массой вырывается из недр бетонной громадины. Бом-

ба упала удачно. Удар пришелся по мощной электростанции.

Хохлов сообщает командиру экипажа:

— Хорошо! Пожар!

Он нажимает одновременно на все кнопки сигнальных лампочек: это — сообщение летчику об окончании бомбометания.

— Вольно!

Наконец, Преображенский тоже может посмотреть, как горит Берлин. До сих пор он вынужден был сдерживать себя, подавлять свое законное нетерпение, сосредоточивая волю на одном только управлении самолетом, лежавшим на боевом курсе. Но теперь вольно! Преображенский кладет машину в крутой разворот — и круто наклоненный город предстает перед ним. Сполох пожара радует его сердце.

Как только разорвались сброшенные Хохловым бомбы, Берлин, город, превращенный фашистами в гигантский военный лагерь, загрохотал залпами зенитных орудий. Лучи прожекторов заметались из стороны в сторону, как ищейки гестапо. Где же, спесивый Берлин, твои огни, которыми ты только что чванился, где твои освещенные улицы? Кто-то там внизу лихорадочно выключает рубильники, и город меркнет квадрат за квадратом, квартал за кварталом. Новые очаги пожаров возникают вблизи огненного ориентира, созданного,

центре Берлина бомбами Хохлова: это бомбят сошедшие «на огонек» остальные экипажи.

— Хорошо бомбят!

Советские бомбардировщики гудят над Берлином. Взрыв за взрывом сотрясает воздух. Проектористы совсем обезумели — голубые электрические шупальцы рыщут в высоте. Не видя цели, беспорядочно бьют зенитки. Сатанинский фейерверк зажигается над черным городом. Зенитные разрывы ложатся далеко в стороне. Советские бомбардировщики гудят над Берлином.

Бомбометание окончено. Задание выполнено. Домой!

Самолет ложится на обратный курс — стена заградительного зенитного огня встает ему на пути. Снаряды рвутся впереди машины на одной с ней высоте. Преображенский хочет обойти заградительный огонь слева, но через одну — две минуты зенитчики успевают переставить прицелы. Преображенский отворачивает вправо — и опять преграждают ему путь зенитные разрывы.

— Везде стреляют. Ну их к чорту! Гюшли прямо!

На всем пути от Берлина до города Н Преображенский ведет самолет под ожесточенным зенитным обстрелом. Куда ни глянь, — всюду с холодным блеском рвутся снаряды, рвутся совсем рядом. Но облегченный самолет, освободившийся над Берлином от груза бомб, на предельных скоростях идет все вперед и вперед.

Наперехват советским бомбардировщикам выходят ночные истребители противника. Включением фар они облегчают себе поиски. Где-то в стороне проносится пучок быстрого и яркого света, кинжалом прорезающий темь.

— «Мессер» проскочил слева! — кричит в телефон стрелок-радист Рудаков.

Проскочил? Ну и отлично! Самолет мчится дальше. Все ближе и ближе береговая черта. Сейчас покажется море.

— Аэростат! — кричит опять Рудаков.

Резким движением распахнув астролук, Хохлов высовывает голову над кабиной. Встречный воздушный поток хлещет в лицо. Кажется, что сливающаяся с ночью черная глыба на всех скоростях надвигается на машину. Верный глаз у штурмана: хотя аэростат и поднят на громадную высоту, хотя самолет и идет как будто курсом прямо на него, Хохлов определяет, что немецкая колбаса непременно должна остаться в 50—80 метрах под плоскостями. Так и есть! Точно!

Снова море. Залпы зениток остаются позади. Преображенский, чтобы облегчить полет, ведет машину на снижение.

Можно снять кислородные маски.

И опять, как несколько часов тому назад, по линии горизонта стелется пламенеющая полоса зари. Такая же точно заря угасала на Западе, когда балтийцы начинали свой воздушный поход. Все тоньше и тонь-

ше становилась тогда тлевшая справа алая прослойка между сумраком моря и сумраком неба. Теперь опять справа, но уже со стороны родного, советского Востока, встречает победителей молодая радостная заря пробуждающегося утра. Привет тебе, первый солнечный отблеск, знаменующий день! Привет тебе, родина!

Аэродром еще тонет в мареве рассвета, когда Преображенский легко и плавно приземляет машину. Постепенно возвращаются и другие экипажи, бомбившие в эту ночь Берлин, возвращаются все, все до единого.

Моторы выключены. Преображенский, Хохлов, стрелки спустились на землю. Ноют спины, руки оочевели, воспалены глаза. В ушах гудит: непрерывный шум моторов оглушил барабанные перепонки. Годдаваясь непреодолимой потребности немедленно, сейчас же поделиться впечатлениями, люди, в течение долгих часов связанные одной судьбой, но разобщенные протяженностью самолета, сойдясь на твердой земле и не слыша собственного голоса, кричат друг другу о том, что отныне навсегда врезалось в их память. Всем им: летчику, штурману, стрелкам — начинает уже казаться, что не часы, не минуты, а бесконечные сроки отделяют эти шумные объятия, сбивчивые расспросы, восторженные возгласы сбжавшихся друзей от только что законченного полета. Что из того, что балтийские бомбардировщики минувшей ночью первыми из советских летчиков победоносно прошли в глу-

бокий тыл врага, безмерно отдаленный от своих баз? Что из того, что ночной полет балтийских бомбардировщиков проходил в сложной метеорологической обстановке, что шедшие большую часть пути над морем и над территорией противника машины были перегружены до предела, что на пределе работали моторы и все поведение самолета было пределом его возможностей? Что из того, что балтийские бомбардировщики сумели прорваться сквозь зенитные огневые препоны, сумели избежать хищного удара «Мессершмиттов», сумели обойти и миновать коварные тросы аэростатов заграждения? Сейчас все это уже начинает казаться и далеким, и обычным, и нормальным.

— Ну вот и слетали! — весело говорит Преображенский, скидывая шлем и пытаясь затвердевшими пальцами отстегнуть застежку капки¹.

Застежка не поддается. Пока он возится с ней, подъезжает автомобиль. Начальник морской авиации подходит к летчику, и полковник — без шлема, с расстегнутым резиновым поясом поверх комбинезона, — выйдя навстречу начальнику и остановившись в трех шагах от него, рапортует:

— Товарищ начальник авиации! Задание выполнено. Бомбовый удар по Берлину произведен.

— Знаю, знаю, дорогой. Радиограмму вашу получил...

¹ Капка — надувной спасательный пояс, надеваемый морскими летчиками в полете.

— Радиограмму? Мою? Я не давал...

Стрелок-радист старший сержант Рудаков смущенно переминается с ноги на ногу. Еще до вылета было решено не давать в эфир никаких радиограмм, чтобы не обнаруживать себя. Но там, над горящей фашистской столицей, радист не выдержал, и радиоволны принесли командованию весть о торжестве балтийского бомбардировщика:

*«Мое место — Берлин. Задача выполнена.
Возвращаюсь на базу».*

Преображенский разводит руками:
— Победителей не судят...

ВТОРОЙ УДАР

Утром, в то время как советские летчики, бомбившие Берлин, еще отдыхали, германские радиостанции передали экстренное сообщение Геббельса о том, что сегодня ночью английская авиация совершила налет на столицу Германии и что шесть сбитых английских самолетов упали вблизи города. В то же утро, чуть позже, английское командование официально объявило по радио, что минувшей ночью ни один британский самолет над Берлином не появлялся и что сообщение германского информационного бюро о бомбардировке английской авиацией Берлина, а тем более о шести сбитых английских самолетах вызывает в Лондоне крайнее недоумение.

Вот смеху-то было в кают-компании!

— Ну, ладно, спутал Геббельс советскую авиацию с английской, но зачем же так безбожно врать о сбитых машинах, когда все наши вернулись как ни в чем не бывало, в целости и невредимости?

— На весь мир оконфузился карлик кривоногий: если бы сбили, то уж как-нибудь разобрались бы, чей самолет — советский или английский...

— Что ж, придется еще раз показать Геббельсу мощь «английской авиации»!

Так шутили в кают-компани...

А в это время технический состав заканчивал подготовку машин ко второму полету на Берлин. На этот раз полковник Преображенский должен был вести еще более грозную воздушную эскадру, в три раза большую, чем в прошлый раз. И вот снова капитан Холлов подает сигнальную ракету и вырулившие на старт корабли взмывают в небо, сегодня совсем закрытое облаками. Экипажи предупреждены, что погода на маршруте будет нынче значительно хуже. Но все спокойны, все уверены в успехе, потому что уже есть опыт, потому что одна победа влечет за собой другую.

В едва заметный разрыв между облаками входит флагманский корабль, и за ним пробиваются вверх остальные самолеты. Не видно ни моря, ни вражеских берегов.

Небольшую часть пути успели пройти бомбардировщики, как Преображенский заметил, что перегревается левый мотор его машины. Причина ясна: чересчур велика нагрузка, захватил сегодня фугасов еще больше, чем вчера. Хотел, чтобы получилось покрепче, а выходит вот что...

С мотором шутки плохи. Пожалуй, не дотянешь. Пока не поздно, надо поворачивать назад — двух мнений на этот счет быть не может. Как ни досадно, поведет кто-нибудь другой... Принять такое решение командиру нелегко, но принять его он обязан. Да, обязан. Надо подать сигнал: «Вести дальше заместителю. Выхожу из строя».

Но Преображенский сигнала не подает. Он вспоминает вдруг, что перед вылетом упустил из виду установить такой сигнал: ведь сроду не приходилось ему возвращаться с полдороги, и договариваться о подобных сигналах не было у него в привычках. Что ж, выходить из строя без предупреждения? Но погода так мерзка, настолько сегодня сложна метеорологическая обстановка, так затруднена ориентировка, что если полковник внезапно повернет домой, то не решат ли, ведомые, что Преображенский прекращает полет, считая невозможным его продолжать, и вернуться на базу вслед за командиром?

Будь что будет! Если один мотор слохнет, придется сбрасывать бомбы куда-нибудь на запасную цель и дотягивать обратно на втором моторе. Тогда уже ведомые наверняка поймут, что неспроста преждевременно сброшены бомбы, что у командира какие-то неполадки с материальной частью, и кто-нибудь из командиров эскадрилий поведет самолеты дальше.

Преображенский продолжает идти впереди своих кораблей.

Густой облачный покров под самолетом постепенно начинает редеть, но облачность становится двуслойной — второй слой, сам по себе слоистый, оказывается на уровне 6500—7000 метров. Самолеты идут именно на этой высоте. Видимости никакой... Все сливается воедино, в сплошную темную массу... Приходится вести машину по одним только приборам, вслепую. Опознаешь ли береговую черту, найдешь ли исходный пункт для выхода на цель? А тут еще злополучный мотор...

Температура падает. Минус тридцать. Будь ты неладна! Что с гироскопическими приборами? Сперва отказывает авиогоризонт, затем в магнитном компасе появляется большой воздушный пузырь. Гребраженский все еще не сказал Хохлову о неполадках с мотором, но об отказавшем компасе умолчать нельзя. Без компаса — труба!

— У меня компас в порядке,— спокойно говорит Хохлов.— Пойдем по моему.

Как поводырь ведет за руку слепого, так штурман навигационными огнями направляет то влево, то вправо, то прямо самолет, за штурвалом которого сидит лишенный компаса летчик. Только один компас остался на флагманской машине. Сколько заботы, сколько нежности проявляет к нему хозяин! Он снимает с рук теплые меховые рукавицы, он снимает меховые чулки, он окутывает зябкий прибор мехом, хранящим еще тепло человека. Холодно ногам, мерзнут руки, но ни-

чего — лишь бы быть спокойным за то, что север останется севером, а юг останется югом.

Самолеты идут точно по курсу.

Не везет, так не везет. Преображенский беспокойно задвигался на сиденье. Почему так холодно ему вдруг стало и почему одновременно все тело его покрылось потом? Все предметы, все приборы перед его глазами окаймляются красной обводкой. Что-то неладное творится с кислородом. Кислородное питание явно недостаточно. Хорошо бы снизиться, но снижаться нельзя, потому что скоро город Н, за которым можно ожидать густую сеть заградительных аэростатов. Преображенский поворачивает аварийный кран, увеличивая вдвое порцию кислорода. Теперь дышать легче, тело быстро согревается, назойливая красная кайма исчезает.

Самолеты идут по курсу.

Город Н притаился. Ни одного огня в гавани, ни одного огня в городе. И только когда механические уши звукоулавливателей слышат далекие голоса чужих моторов, вспыхивают прожектора и твякающие пасти зениток выплевывают ввысь рвущийся на сотни и тысячи осколков раскаленный металл. Город выдает себя. Не будь этого зенитного огня, опознавание города Н, исходного пункта для выхода на цель, было бы значительно затруднено.

Самолеты идут по курсу. Лишь один самолет, потеряв в слепом полете ориентировку, отклонился на под-

ходе к городу Н от маршрута. Он долго блуждал бы в облаках, не разгляди штурман зенитных разрывов над городом Н. Отбившийся от товарищей бомбардировщик поворачивает на разрывы и присоединяется к ведомым Преображенским кораблям.

Зенитки прокладывают световую трассу самолетам на всем протяжении от города Н до Берлина.

Стоило пройти город Н, как машины обволакивает прозрачный, глазу почти неприметный туман. Стекла и козырьки покрываются водой, вода тоненькими ручейками стекает на приборы, на карты. Слякоты! А левый мотор у Преображенского все греется да греется.

— Скоро ли до цели? — каждые три — четыре минуты спрашивает у Хохлова полковник. — Скорее бы дойти, сбросить бомбы!..

Как и в прошлый раз, у самого Берлина будто по заказу расходится туман. Отличная погода для бомбометания! Под высокой луной блестят берлинские ориентиры: озера, канал, река. Но если в те часы, когда советские бомбардировщики производили первые бомбовые удары по Берлину, столица фашистской Германии опомнилась только после падения сброшенных Хохловым бомб, то сейчас город приготовился к бою.

Берлин затемнен. Вся техника противовоздушной обороны приведена в действие. Тщетно! Советские бомбардировщики опять гудят над Берлином.

На этот раз все самолеты захватили с собой фугасы

еще большего веса. Для создания дополнительных очагов пожара были взяты и зажигательные бомбы.

Хохлов выводит машину на цель, на военные объекты северозападной части города, и нажимает на кнопку сбрасывателя. Почти одновременно наблюдает он разрывы собственных бомб и пожары, возникающие в других районах: это бомбят друзья, это бомбят балтийцы, властвующие сегодня над Берлином. И когда Преображенский снова, как двадцать четыре часа тому назад, прежде чем лечь на обратный курс, кладет машину в крутой разворот, первые восемь огромных пожаров обозначают места падения первых восьми бомб...

Возвращение не представляло бы особых трудностей, хотя зенитный огонь вплоть до самого города не ослабевал. Но мотор, левый мотор! Правда, после того как были сброшены бомбы, Преображенский убрал на нем газ и пошел обратно на одном, работавшем в полную силу, правом моторе. Но и за левым приходилось попрежнему напряженно следить, непрерывно маневрировать газом, заботиться о том, чтобы температура не превышала пределов нормы.

До сих пор Преображенский не посвящал Хохлова в неприятную историю с мотором. Зачем беспокоить штурмана? Но когда газ был убран, Хохлов сам не медлил спросить:

— Что у тебя с мотором?

— Грется...

— До дому дотянем?

— Дотянем, пожалуй...

И дотянули!

Прошли море над низко нависшими облаками. У самого аэродрома прорвали облачность и увидели, наконец, огни посадочного прожектора. Сделав широкий круг над летным полем, Преображенский осторожно посадил машину. Левый мотор вышел из строя.

На аэродроме вспыхивал и гас посадочный прожектор. Балтийцы возвращались из Берлина.

— — — — —

БЛАГОДАРИТ СТАЛИН

Легчики, штурманы, стрелки стоят в строгом строю.

«Поздравляю легчиков-балтийцев с успешным выполнением задания...» — читает текст только что полученной радиogramмы начальник морской авиации.

Это радиogramма от Сталина. Сталин благодарит балтийских легчиков, благодарит за нанесенный ими первыми удар по фашистскому Берлину. Сталин благодарит — это, значит, благодарит народ.

Бывали ли вы когда-нибудь на аэродроме, когда одновременно запускаются моторы самолетов всех эскадрилий? Еще громче гремело ликующее «ура» балтийцев. И казалось, не будет ему конца.

Сколько бы раз ни подымались еще бомбардировщики с балтийского аэродрома, сколько бы раз ни вбдили на Берлин свои грозные корабли Герои Советского Союза полковник Преображенский и капитан Хохлов, горячие слова сталинской благодарности привывным набатом стучали в их сердца.

И они бомбили Берлин!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Карты на Запад	3
Ответственное задание	6
Старт на Берлин	11
Корабли идут над морем	16
«Боевой! Так держаться!»	20
Второй удар	31
Благодарит Сталин	29